

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

УДК 316.73:005.44

DOI: 10.24412/2070-075X-2026-2-07-18

С.И. Петрова**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА
В ГЛОБАЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ**

В статье рассмотрены аспекты социокультурной динамики в контексте глобализации как объективного процесса современности. Предметом исследования выступают факторы детерминации социокультурной динамики. Научная новизна работы заключается в уточнении современных тенденций динамики социально-культурных процессов. В ходе исследования выявлено структурное различие между культурами и метакультурами, а также установлено, что глобализация предстает как многовекторный процесс культурной гибридизации, создающий новые синтетические формы, не сводимые к исходным элементам.

Ключевые слова: культура, динамика, динамика культуры, социокультурная динамика, трансформация, глобализация, обмен, пространство.

Актуальность темы исследования. Современные социальные трансформации обусловлены сменой фундаментальных принципов организации общечеловеческого пространства. В настоящее время мир воспринимается уже не в качестве разрозненных стран, а как единая взаимосвязанная система. Ключевыми инструментами создания такого планетарного единства выступают объединение денежных систем, рост товарообмена и расширение культурно-коммуникационных взаимодействий. Фактически происходят комплексные синергические явления, представляющие собой изменчивые механизмы самоструктурирования глобальной системы в ее движении к более высокой ступени эволюции.

Глобализация как объективный процесс создает беспрецедентные возможности для межкультурного диалога и технологического обмена. Научно-технический прогресс способствует формированию новых механизмов взаимодействия между различными акторами международных отношений. Развитие информационных технологий, транспорта и коммуникационных сетей выступает основой для более тесной интеграции экономических систем и культурного обмена. Параллельно наблюдается усложнение архитектуры международных отношений, в которой традиционные иерархические модели дополняются сетевыми формами взаимодействия. Возникают новые форматы партнерства – от региональных интеграционных объединений до глобальных технологических альянсов. Особую роль приобретает феномен культурной конвергенции при сохранении цивилизационного многообразия, что создает предпосылки для выработки универсальных подходов к решению общечеловеческих проблем при уважении национальных особенностей и традиций. Все это свидетельствует об актуальности темы исследования.

Степень научной разработанности темы. Проблематике глобализации в социальной сфере посвятили свои работы такие зарубежные ученые, как У. Бек, Э. Гидденс, Р. Робертсон; в сфере экономики глобализационные процессы анализировали И. Валлерстайн, Т. Левит, в политике – Э. Гидденс, К. Крауч, У. Томпсон, Д. Хелд, в культуре – У. Ганнерс, С. Лэш, М. Фезерстоун и др.

Российские ученые также внесли существенный вклад в осмысление глобализации как научной проблемы. Так, Г.А. Аванесова рассматривала глобализацию в контексте культурологических процессов и трансформации культурной идентичности. Е.А. Бажанов и К.П. Боришполец анализировали международно-политические аспекты глобализационных процессов. Ю.Н. Гладкий акцентировал внимание на географических и геополитических измерениях глобализации. Г.Г. Дилигенский исследовал социально-психологические аспекты глобальных трансформаций и их влияние на массовое сознание, а В.М. Межуев разрабатывал философско-культурологический подход к пониманию глобализации, рассматривая ее через призму диалектики универсального и локального в культуре. А.С. Панарин предложил критический анализ глобализации с позиций цивилизационного подхода, уделяя особое внимание проблеме сохранения культурного многообразия.

Что касается современной ситуации, то авторы обращают внимание на различные аспекты социокультурной динамики в глобализационном контексте. Так, В.М. Москалюк определяет влияние глобализации на культурное многообразие и идентичность в парадигме приоритетов ценностей коллективного Запада [1], Е.А. Авдеев рассматривает взаимодействие и трансформацию национальных культур в современном глобализирующемся мире [2], И.С. Семененко анализирует влияние глобализации на личность, общество и культуру [3], О.Ю. Колосов и Е.Е. Несмеянов исследуют социокультурные трансформации в условиях глобализации [4] и др.

Однако, несмотря на большое количество публикаций, посвященных исследованию глобализационных процессов, проблема социокультурной динамики в контексте глобализации остается слабо разработанной.

Цель, задачи и предмет исследования. Целью статьи является теоретический анализ современных процессов социокультурной динамики в контексте глобализации. Для достижения цели поставлены следующие задачи: охарактеризовать влияние глобализации на динамику социокультурных процессов; выявить структурное различие между культурами и метакультурами; исследовать тенденции социокультурной динамики в современном обществе. Предметом исследования выступают факторы и механизмы детерминации социокультурной динамики в процессе глобализации.

Научная новизна исследования заключается в анализе современных тенденций динамики социально-культурных процессов в контексте глобализации.

Методология и методы исследования. Исследование основано на комплексном междисциплинарном подходе, интегрирующем принципы философии, социологии и культурологии. В качестве основных исследовательских методов в статье используются метод структурно-функционального анализа, аксиологический и аналитический методы исследования.

Источниковая / эмпирическая база исследования. В качестве источниковой базы исследования выступают научные публикации, посвященные исследованию социально-культурной динамики и ее глобализационным детерминантам, – работы Г.А. Аванесова, Е.А. Бажанова, К.П. Боришполец, Г.Г. Дилигенского, В.М. Межуева, А.С. Панарина и др.

Основная часть. Социокультурный аспект глобализации, символом которого часто выступает «макдональдизация», затрагивает глубинные основы идентичности и повседневных практик. Распространение унифицированных стандартов потребления и поведения вызывает наиболее острые дискуссии о соотношении глобального и локального, универсального и уникального в современной культуре.

Вопрос о суверенитете в эпоху глобализации становится особенно сложным. С одной стороны, взаимозависимость государств объективно возрастает, что требует координации усилий и выработки общих правил. С другой, попытки использовать механизмы глобализации для продвижения партикулярных интересов под видом универсальных культурных ценностей вызывают обоснованное сопротивление и стремление защитить национальный суверенитет.

Глобализация представляет собой многомерный феномен, что порождает множественность исследовательских подходов и интерпретаций. Эта концептуальная неоднородность отражает объективную сложность самого процесса, который охватывает практически все сферы человеческой деятельности [5]. Методологический плюрализм в изучении глобализации отражает не только сложность объекта исследования, но и различия в ценностных установках и теоретических традициях различных научных школ. На наш взгляд, определение глобализации как комплекса трансграничных взаимодействий схватывает сущность этого феномена. Особенно важно подчеркнуть многообразие акторов – от индивидов до институциональных структур, что указывает на многоуровневый характер глобализационных процессов.

На ранних этапах истории жизнь людей была ограничена небольшими локальными сообществами – деревнями или племенами, где все знали друг друга лично. Затем возникновение городов создало более крупные центры торговли и культурного обмена. Формирование государств и империй древности – от Римской империи до китайских династий – впервые объединило обширные территории под единым управлением и создало условия для взаимодействия между удаленными регионами.

Эпоха великих географических открытий XV–XVI веков стала переломным моментом, впервые связав между собой континенты и создав предпосылки для формирования мировой экономики. Колониальная система, при всей ее противоречивости и трагичности, объективно способствовала созданию глобальных торговых сетей.

Промышленная революция и развитие транспорта в XIX веке, железные дороги, пароходы, а затем авиация радикально сократили время и стоимость перемещения товаров и людей. Телеграф, телефон, а затем интернет сделали возможной мгновенную коммуникацию на любых расстояниях.

Таким образом, современная глобализация представляется логическим продолжением долгосрочной исторической тенденции к расширению пространства человеческого взаимодействия.

Концепция Дж. Модельски о «пульсирующем» характере развития мировой системы представляет важную альтернативу упрощенным линейным моделям [6]. Идея чередования фаз централизации и децентрализации помогает объяснить многие исторические феномены. Например, упадок Римской империи и последующий подъем «варварской» периферии или закат средиземноморских торговых республик и возвышение атлантических держав после Великих географических открытий.

П. Кеннеди в работе «Взлеты и падения великих держав: экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 гг.» [7] показывает, как экономическое могущество постепенно перемещается от одних центров силы к другим – от Испании XVI века к Нидерландам, затем к Британии и далее к США. При этом бывшие гегемоны часто страдают от «имперского перенапряжения», когда военные и административные расходы на поддержание глобального доминирования подрывают экономическую базу их могущества. Эта динамика заставляет переосмыслить саму природу глобализации, способствует ее пониманию не как одностороннего распространения влияния неизменного центра, а как сложного процесса взаимной трансформации всех участников мировой системы.

Следует затронуть принципиально важный аспект понимания глобализации, который демонстрирует несостоятельность упрощенных линейных моделей этого процесса. Представление о глобализации как односторонней вестернизации оказалось глубоко ошибочным. Культурные практики и ценности, даже будучи заимствованными, подвергаются глубокой трансформации в новом контексте. Например, японский опыт модернизации эпохи Мэйдзи прекрасно иллюстрирует это: заимствуя западные технологии и институты, Япония создала уникальную модель развития, сохранившую национальную специфику.

Концепция «глобальной деревни» Г.М. Маклюэна предполагала технологически обусловленную конвергенцию культур, но реальность оказалась сложнее [8]. Современные коммуникационные технологии не только соединяют, но и позволяют артикулировать различия, создавать новые формы идентичности. Особенно интересен феномен «обратной культурной диффузии» – влияние незападных практик на западное общество. Распространение йоги, медитации, восточных боевых искусств, альтернативной медицины представляет собой не просто моду, а поиск ответов на экзистенциальные вызовы постиндустриального общества. Западная рациональность обнаруживает свои пределы и обращается к иным способам познания и бытия. Таким образом, глобализация предстает как многовекторный процесс культурной гибридизации, создающий новые синтетические формы, не сводимые к исходным элементам.

Трансформация метафорических конструкторов в операциональные категории отражает фундаментальный сдвиг в структуре социально-культурного бытия. «Гражданин мира» из космополитической утопии Просвещения превращается в практическую необходимость для профессионалов, работающих в транснациональных корпорациях, ученых, участвующих в международных проектах, активистов глобальных движений [9].

Парадигма человеческого развития, артикулированная в докладах ООН, выходит за рамки экономического редукционизма, интегрируя качественные параметры существования. Долголетие, здоровье, творческая самореализация становятся универсальными критериями прогресса, преодолевающими культурную специфику. Это создает основу для формирования глобального социального контракта, где достоинство человека признается независимо от географических и политических границ.

Ключевое отличие нынешней интеграции от предыдущих попыток создания универсальных империй заключается в ее сетевом, а не иерархическом характере, что делает этот процесс более устойчивым и адаптивным. Специализация регионов не исчезает, а становится основой их ценности в общей системе. Как органы в живом организме, каждый выполняет свою уникальную функцию, и именно эта специфичность делает их незаменимыми. Это парадоксальная природа современной глобализации – единство не через унификацию, а через взаимодополняемость различий. И здесь метафора космического взгляда на Землю особенно удачна: из космоса видна целостность планеты, непрерывность океанов и атмосферы, отсутствие видимых границ между государствами [10]. Это не означает, что различия исчезают, просто становится очевидным, что они существуют внутри единой системы, где циклон, зародившийся над одним континентом, влияет на погоду другого, где экономический кризис в одном регионе создает волны по всей планете.

Фундаментальный парадокс глобализационного дискурса – диалектическое напряжение между стремлением к универсальному и необходимостью партикулярного, между снятием границ и их конститутивной ролью в формировании идентичности. От космополитизма стоиков через кантовскую идею всемирного гражданского состояния к гегелевскому мировому духу прослеживается устойчивая философско-культурологическая интенция к универсальному. Но именно Г.В. Гегель показал, что всеобщее не существует без особенного, что снятие «отмена» означает одновременно отрицание и сохранение. Граница у него – не просто разделение, а момент определения: нечто есть то, что оно есть, именно через свою границу с иным [11].

Марксова критика капитала парадоксальным образом и предвосхищает глобализацию (капитал по природе космополитичен), и обнажает ее внутреннее противоречие, стремление к безграничной экспансии порождает новые формы ограничения и исключения [12]. Прогрессивно-неоконсервативная утопия «мира без границ» сталкивается с онтологической проблемой: абсолютная детерриториализация ведет к утрате различий, а значит, к исчезновению самой возможности смысла, который всегда возникает через различие [13. С. 26–42]. Глобальное, лишенное локального, обращается

в пустую абстракцию, в то самое гегелевское «ночное безразличие, в котором все кошки серы» [14].

Фундаментальный парадокс глобализационной эпохи – одновременное – расширение и фрагментация идентичности. Персоналистская идентификация представляет собой радикальный отход от традиционных моделей самоопределения через принадлежность к устойчивым коллективным структурам. Это явление можно осмыслить через концепцию К. Леви-Стросса: субъект конструирует себя из разнородных культурных элементов, создавая уникальную конфигурацию смыслов [15]. Индивид становится своего рода культурным номадом, свободно перемещающимся между различными символическими пространствами, заимствуя и адаптируя элементы «чужого опыта» для построения собственной экзистенциальной культурной архитектуры. Однако эта кажущаяся свобода самоконструирования порождает новую форму тревожности – «онтологическую неуверенность» в терминологии Р. Лэйнга [16].

Отсутствие заданных культурных координат превращает идентичность в непрерывный проект, требующий постоянной рефлексивной работы. Субъект оказывается обречен на перманентное самоизобретение, что создает специфическое напряжение между стремлением к аутентичности и необходимостью социальной адаптации через освоение множественных ролевых репертуаров. «Человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором он живет с другими. Этот мир становится для него доминирующей и определяющей реальностью. Ее границы установлены природой, но стоит этому миру возникнуть, и он оказывает на природу обратное воздействие. В диалектике природы и социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм. В той же диалектике человек творит реальность и тем самым творит самого себя» [17. С. 294]. Эта цитата П. Бергера и Т. Лукмана раскрывает центральный парадокс человеческого существования: будучи биологическим существом, человек одновременно является творцом социально-культурной реальности, которая, в свою очередь, формирует его самого. Здесь схвачена диалектическая природа социального конструирования, где субъект и объект находятся в отношениях взаимного конституирования. Ключевое понятие – «биологическая предопределенность к конструированию». В отличие от животных с их инстинктивно заданной средой обитания, человек характеризуется тем, что А. Гелен называл «инстинктивной недостаточностью» [18].

Эта антропологическая неполнота компенсируется культурным творчеством. Человек вынужден достраивать себя через создание символических порядков. Социальная реальность выступает как экстернализация человеческой деятельности, которая затем через процессы объективации и интернализации становится принудительной силой, формирующей самого человека. Особенно важен тезис о трансформации человеческого организма в диалектике природы и культуры. Это не просто метафора: социально сконструированная реальность буквально переформатирует телесность, восприятие, когнитивные структуры. Габитус в понимании П. Бурдьё представляет собой именно такую инкорпорированную социальность, где культурные схемы становятся второй природой, не отличимой от биологической основы [19].

Манипулятивные технологии в этом контексте эксплуатируют именно когнитивную перегрузку и дезориентацию. Алгоритмы персонализации создают «информационные пузыри», усиливая поляризацию и препятствуя формированию общего пространства диалога. Стандартизация культурных ценностей под видом их плюрализации представляет собой изощренную форму символического насилия, где иллюзия выбора маскирует сужение горизонта возможного. Дезориентация и душевная усталость становятся фоновым состоянием, порождаемым постоянным давлением унифицирующих моделей. Это парадоксальная динамика современного культурного ландшафта.

Концепция «культурного империализма» занимает центральное место в критическом дискурсе о глобализации. Метафора Б. Бертолуччи о «культурном тоталитаризме»

отражает тревогу творческих элит перед лицом того, что воспринимается как монополизация символического пространства американской массовой культурой [20]. Механизм этого доминирования опирается на экономическую мощь голливудской индустрии, технологическое превосходство в сфере медиа и особую способность американской культуры к созданию универсальных нарративов, апеллирующих к базовым эмоциям и упрощенным архетипам. Продукты этой культурной машины, от блокбастеров до франшиз быстрого питания, формируют глобальные паттерны потребления и восприятия.

Однако представление о полной культурной гегемонии США требует нюансировки. Локальные культуры демонстрируют удивительную резистентность, творчески адаптируя и переосмысливая американские культурные продукты. Феномен «глокализации» показывает, что глобальное неизбежно преломляется через призму локального, порождая гибридные формы. Более того, сама американская массовая культура не монолитна, она активно абсорбирует и коммодифицирует элементы других культур, превращая их в товар для глобального рынка. Этот процесс взаимного, хотя и асимметричного, обмена создает сложную картину культурных потоков, не сводимую к простой схеме доминирования-подчинения.

Американская индустрия развлечений обладает беспрецедентным охватом – от голливудских блокбастеров до стриминговых платформ, которые формируют визуальный язык и нарративные паттерны массовой культуры по всему миру. Английский язык функционирует как язык современности, что создает определенные преимущества для англоязычного контента. Это не просто вопрос языковой доступности, но и формирования когнитивных рамок. Через язык транслируются специфические культурные концепты, метафоры и способы осмысления реальности: «Язык как социальный феномен, раскрывающий мир другой культуры, является необходимым и важнейшим средством коммуникации, особенно в эпоху современности» [21. С. 123].

Глобализация и связанные с ней социокультурные проблемы породили антиглобалистское движение, представляющее собой сложный феномен с множественными акторами и мотивациями. Оно является важным аспектом современной социокультурной динамики, формирующим различные формы сопротивления глобализационным процессам. Стоит отметить двойственную природу этого сопротивления. С одной стороны, существует организованное движение с институциональной поддержкой, которое часто фокусируется на экономических и политических аспектах глобализации. С другой стороны, наблюдается более органичное, низовое стремление к сохранению локальной идентичности и культурных практик. Парадокс заключается в том, что само антиглобалистское движение часто использует глобальные инструменты коммуникации и координации. Социальные сети, международные форумы, транснациональные альянсы – все это инструменты той же глобализации, против которой направлен протест.

Возрождение интереса к локальным традициям можно рассматривать как форму «глокализации» – процесса, в котором глобальное и локальное не столько противостоят друг другу, сколько создают новые гибридные формы. Традиции при этом часто переизобретаются, адаптируясь к современным условиям, что ставит вопрос об их «подлинности» в новом контексте. Важный парадокс глобализации заключается в том, что наиболее успешными в сохранении культурной самобытности оказываются именно те страны, которые активно участвуют в глобальных процессах, а не изолируются от них.

Пример Японии особенно показателен. Страна, пережившая радикальную модернизацию в эпоху Мэйдзи (1868–1912) и послевоенную американизацию, сумела не только сохранить, но и укрепить свою культурную идентичность. Японская культура стала одним из самых успешных глобальных экспортных продуктов – от традиционных искусств до современной поп-культуры, при этом внутри страны сохраняется глубокое уважение к традициям.

Другой пример – Франция, демонстрирующая активную культурную политику, защищающую национальный язык и культуру через систему квот, субсидий и образовательных программ. Концепция «культурного исключения» позволяет французам участвовать в глобализации, сохраняя при этом особую культурную идентичность. Этот феномен объясняется тем, что сильная культурная идентичность и уверенность в собственных ценностях позволяют более свободно взаимодействовать с другими культурами, заимствуя полезное без страха утраты собственной самобытности. Культурная открытость парадоксальным образом укрепляет, а не ослабляет национальную идентичность.

Феномен культурной гибридизации в эпоху глобализации создает беспрецедентную ситуацию культурного смешения, где традиционные границы между «своим» и «чужим» становятся все более условными. Современный человек может начать день с японского чая матча, работать в американской корпорации, обедать итальянской пиццей, практиковать индийскую йогу вечером и засыпать под корейскую поп-музыку. Такая эклектичность стала нормой повседневности, особенно в крупных городах.

Параллельно с интеграционными процессами мы наблюдаем мощную волну партикуляризма и стремления к культурной автономии. Это явление получило название «глокализация» – парадоксальное сочетание глобального и локального. Чем сильнее давление унифицирующих тенденций, тем острее защитная реакция локальных идентичностей. Мы видим это в возрождении региональных языков, в требованиях культурной автономии, в росте интереса к традиционным практикам и верованиям. Фундаментализм в этом контексте часто выступает как форма сопротивления культурной гомогенизации. Это не просто возврат к корням, а активное конструирование идентичности в противовес воспринимаемой угрозе растворения в глобальном «плавильном котле». В демократических обществах это напряжение чаще разрешается через механизмы диалога и компромисса – мультикультурализм, федерализм, различные формы автономии. Но даже там мы видим рост популистских движений, апеллирующих к «утраченной аутентичности».

Необратимость глобализации как исторического процесса определяется объективными факторами технологического развития, информационной революции и углубления экономической взаимозависимости. При этом конкретные формы и направления этого процесса остаются предметом выбора и могут быть трансформированы через изменение приоритетов развития. Гуманизация глобализации предполагает переориентацию с чисто экономических критериев эффективности на более широкие показатели человеческого развития, включающие социальную справедливость, культурное разнообразие, экологическую устойчивость и расширение возможностей для самореализации людей независимо от их географического положения.

Когда социум переживает экзистенциальную угрозу или находится в процессе формирования своей идентичности, механизмы самосохранения культуры активизируются с особой силой. В такие периоды люди часто готовы пожертвовать личными интересами и даже моральными принципами ради того, что воспринимается как выживание или благо целого. Это важный аспект социально-культурной динамики – феномен, когда в критические моменты истории индивидуальное сознание может подчиняться коллективным императивам. Подобная закономерность проявлялась в разные эпохи – от архаичных ритуалов жертвоприношения до массовых движений более поздних времен. Парадокс в том, что действия, направленные на сохранение культуры, могут противоречить тем самым гуманистическим ценностям, которые эта культура в спокойные времена провозглашает. Понимание этого механизма не означает его оправдания, а позволяет глубже осмыслить природу социальных процессов и то, как культура через людей реализует свои программы выживания и развития.

Переход от традиционных национально-культурных образований к чему-то принципиально новому происходит на наших глазах. Метакультуры формируются вокруг общих практик и ценностей, которые пересекают традиционные границы. Корпоративная культура транснациональных компаний, глобальные профессиональные сообщества, цифровые субкультуры – все это примеры новых форм организации человеческой деятельности и идентичности.

Предлагаемая в данной статье классификация метакультур, на наш взгляд, очень точно схватывает разные принципы организации глобальных социальных образований. Особенно значимо, что эти суперорганизмы накладываются друг на друга, создавая сложную многомерную структуру; выделим четыре метакультуры.

– Политические метакультуры XX века формировали целостные системы со своей идеологией, экономическими моделями и социальными институтами. Хотя биполярная система ушла в прошлое, ее наследие продолжает влиять на современные процессы.

– Регионально-хозяйственные метакультуры демонстрируют, как экономическая интеграция создает новые формы общности. ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР, Евразийский экономический союз – все они формируют не только торговые пространства, но и общие регулятивные рамки, стандарты, а часто и ценностные ориентиры.

– Конфессиональные метакультуры интересны тем, что они существуют поверх государственных границ уже многие столетия, но в эпоху глобализации приобретают новое значение. Они создают альтернативные каналы солидарности и идентичности.

– Планетарная метакультура – самый амбициозный проект, воплощающийся через ООН, международное право, глобальные экологические инициативы.

И здесь логично возникает вопрос: возможна ли действительно единая метакультура без утраты разнообразия, которое само по себе является ценностью и ресурсом развития?

Вторая половина XX века стала переломной точкой в истории человеческой цивилизации именно благодаря радикальному изменению технологического базиса и пространственно-временных параметров социально-культурного взаимодействия. Выделим технологический базис трансформации культурных систем.

– Компрессия пространства-времени через транспортные системы создала феномен «глобальной деревни» Г.М. Маклюэна. Авиация превратила межконтинентальные путешествия из многонедельных экспедиций в часовые перелеты. Это не просто ускорение, это качественная трансформация самого понимания расстояния и доступности.

– Информационная революция через электронные СМИ и особенно Интернет создала принципиально новый тип культурного пространства – виртуальное, где географические границы теряют свое определяющее значение. Культурные продукты теперь распространяются мгновенно и глобально.

– Экономическая интеграция через транснациональные корпорации и глобальные финансовые системы создала новый тип зависимостей, когда локальные культуры оказываются встроенными в мировые цепочки производства и потребления.

Особенно важно то, что даже деструктивные феномены (ядерная угроза, терроризм) становятся факторами культурной трансформации, заставляя вырабатывать новые формы международной кооперации и солидарности перед лицом общих угроз.

Основное структурное различие между культурами и метакультурами – различие уровней организации и типа субстрата. Если традиционные культуры оперируют на уровне индивидов и социальных групп, создавая институты для удовлетворения человеческих потребностей, то метакультуры работают с целыми культурами и государствами как базовыми элементами. Это качественно иной масштаб организации, где прежде автономные социокультурные системы становятся функциональными элементами более сложной структуры. Думается, аналогия с биологической эволюцией здесь будет особенно продуктивна: как многоклеточные организмы потребовали

специализации клеток и создания систем их жизнеобеспечения, так метакультуры создают инфраструктуру для обеспечения потребностей входящих в них культур. Международные финансовые институты, системы глобальной логистики, транснациональные корпорации – все это можно рассматривать как «органы» метакультурного организма, обеспечивающие циркуляцию ресурсов между культурами-элементами.

Процесс специализации культур внутри метакультуры уже наблюдается: одни страны становятся технологическими центрами, другие – производственными площадками, третьи – поставщиками ресурсов или туристическими дестинациями. Эта функциональная дифференциация трансформирует внутреннюю структуру самих культур, подстраивая их под выполнение определенных ролей в метакультурном разделении труда.

Таким образом, один из важнейших механизмов глобализации заключается в том, что, когда сложность деятельности перерастает существующие границы и требует вовлечения разнообразных культурных ресурсов, происходит качественный скачок. Например, создание современного смартфона требует редкоземельных металлов из Африки, дизайна из Калифорнии, производства в Азии и программного обеспечения, написанного распределенными командами по всему миру. Сама функция производства становится принципиально транскультурной. Она уже не может существовать в рамках одной культурной традиции.

Парадоксальным образом усложнение заставляет культуры становиться более проницаемыми именно для того, чтобы сохранить свою продуктивность. Японская корпоративная культура, например, вынуждена была интегрировать западные практики менеджмента, но при этом обогатила мировую практику своими подходами к качеству и организации производства. Творческий процесс становится своего рода «переводчиком» между культурами. Когда индийский программист работает над финским проектом для китайского рынка, он создает новые культурные гибриды, которые не принадлежат полностью ни одной традиции. Накопленный потенциал категории культуры здесь работает как своеобразная «грамматика» для понимания этих процессов, позволяя видеть не хаос смешения, а новые паттерны организации человеческой деятельности.

Фундаментальная двойственность культуры кроется в том, что она одновременно является и устойчивой структурой накопленного опыта, и живым процессом постоянной реинтерпретации. Ключевой момент здесь – диалектика абстрактного и конкретного. Культура существует как обобщенная форма, как своеобразный «банк возможностей» человеческой деятельности. Но эта форма не мертвая схема, она постоянно актуализируется через конкретные проблемные ситуации. Когда врач сталкивается с новой пандемией, он обращается к накопленному медицинскому опыту, но интерпретирует его в контексте специфики нового вируса, доступных технологий, социальных условий. Для обеспечения сохранения культурной идентичности в глобализованном мире необходимо развивать сотрудничество в области культуры, направленное на обеспечение понимания и уважения культурных различий, развитие культурной идентичности.

Литература

1. Москалюк В.М. Проблема идентичности и многообразия культур в условиях мировой глобализации // Культурная жизнь Юга России. 2024. № 3 (94). С. 15–24.
2. Авдеев Е.А. Социокультурная динамика в эпоху глобализации: унификация или гетерогенность // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 120–124.
3. Семененко И.С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 5–23.
4. Колосова О.Ю., Несмеянов Е.Е. Социокультурные трансформации в условиях глобализационных процессов // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (14). С. 3201–3204.

5. Дюран М.-Ф., Копинши Ф., Мартен Б. [и др.]. Атлас глобализации: попытка осмысления современного мирового пространства. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 184 с.
6. Modelski G. Long cycles in world politics. Seattle; London: Univ. of Washington press, 1987. 244 p.
7. Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 гг. Екатеринбург: Гонзо, 2018. 848 с.
8. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005. 495 с.
9. Голдсмит О. Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. М.: Наука, 1974. 383 с.
10. Глобализация: человеческое измерение / ред. А.В. Торкунов. М.: РОССПЭН, 2002. 110 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
12. Маркс К. К критике политической экономии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 176 с.
13. Пабст А. Цивилизация и либеральная демократия // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 26–42.
14. Гегель Г.В.Ф. Вера и знание. Работы ранних лет. М.: Умозрение, 2024. 384 с.
15. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
16. Лэйнг Р.Д. Расколотое «Я»: экзистенциальное исследование «нормальности» и безумия. Феноменология переживания и Райская птичка. М.: ИОИ, 2017. 345 с.
17. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М: Изд-во «Московский философский фонд», 1995. 322 с.
18. Хузина Э.М. Философская антропология по замыслу А. Гелена // Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 494–496.
19. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперимент. социологии, 2001. 562 с.
20. Андрианова Т.В. Геополитика и культура: аналитический обзор. М.: Директ-медиа, 2014. 90 с.
21. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. 246 с.

Socio-cultural dynamics in the globalization context

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2026, 2 (101), 07–18
DOI: 10.24412/2070-075X-2026-2-07-18

Sofya I. Petrova, Academy of Marketing and Social and Information Technologies (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: Sofya8888@yandex.ru

Keywords: culture, dynamics, cultural dynamics, sociocultural dynamics, transformation, globalization, exchange, space.

The article examines sociocultural dynamics and globalization as an objective process that creates unprecedented opportunities for influencing the transformation of culture and society. The purpose of the article is to provide a theoretical analysis of the processes of sociocultural dynamics in the context of globalization. To achieve this goal, the following objectives have been set: to characterize the impact of globalization on the dynamics of sociocultural processes; to identify the structural differences between cultures and metacultures; and to explore the trends of sociocultural dynamics in modern society. The subject of the study is the factors and mechanisms determining sociocultural dynamics in the process of globalization. The scientific novelty lies in the clarification of modern trends in the dynamics of socio-cultural processes. The study revealed a structural difference

between cultures and metacultures. Globalization appears to be a logical continuation of a long-term historical trend towards expanding the space of human interaction. The key difference between the current integration and previous attempts to create universal empires is its network-based rather than hierarchical nature, which makes it more sustainable and adaptable. It has been established that globalization is a multi-vector process of cultural hybridization that creates new synthetic forms that are not reducible to their original elements. The phenomenon of cultural convergence is gaining special importance while preserving the diversity of civilizations, which creates the preconditions for developing universal approaches to solving universal problems while respecting national characteristics and traditions. This is the paradoxical nature of modern globalization – unity not through unification, but through the complementarity of sociocultural differences.

References

1. Moskalyuk, V.M. (2024) Problema identichnosti i mnogoobraziya kultur v usloviyakh mirovoy globalizatsii [The problem of identity and diversity of cultures in the context of world globalization]. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii – Cultural life in the South of Russia*. 3 (94). pp. 15–24. DOI: 10.24412/2070-075X-2024-3-15-24
2. Avdeev, E.A. (2014) Sotsiokulturnaya dinamika v epokhu globalizatsii: unifikatsiya ili geterogenost [Sociocultural dynamics in the era of globalization: unification or heterogeneity]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanitarian and legal studies*. 2. pp. 120–124.
3. Semenenko, I.S. (2003) Globalizatsiya i sotsiokulturnaya dinamika: lichnost, obshchestvo, kultura [Globalization and sociocultural dynamics: personality, society, culture]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 5–23. DOI: 10.17976/jpps/2003.01.00
4. Kolosova, O.Y. & Nesmeyanov, E.E. (2015) Sotsiokulturnye transformatsii v usloviyakh globalizatsionnykh protsessov [Sociocultural transformations in the context of globalization processes]. *Fundamentalnye issledovaniya – Fundamental research*. 2 (14). pp. 3201–3204.
5. Durand, M.-F., Copinchy, F. & Martin, B. [et al.]. (2014) Atlas globalizatsii: popytka osmysleniya sovremennogo mirovogo prostranstva [Atlas of globalization: an attempt to comprehend the modern world space]. Moscow: Progress-Tradition.
6. Modelski, G. (1987) *Long cycles in world politics*. Seattle; London: Univ. of Washington press.
7. Kennedi, P. (2018) *Vzlety i padeniya velikikh derzhav: Ekonomicheskie izmeneniya i voennye konflikty v formirovanii mirovykh tsentrov vlasti s 1500 po 2000 g* [The Rise and Fall of Great Powers: Economic Change and Military Conflict in the Shaping of World Centers of Power from 1500 to 2000]. Ekaterinburg: Gonzo.
8. McLuhan, M. (2005) *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [The Gutenberg Galaxy: The Making of a Typing Man]. Moscow: Academic project.
9. Goldsmith, O. (1974) *Grazhdanin mira, ili Pisma kitayskogo filosa, prozhiashchego v Londone, svoim druzyam na Vostoke* [Citizen of the World, or Letters from a Chinese Philosopher Living in London to His Friends in the East]. Moscow: Nauka.
10. Torkunov, A.V. (eds.) (2002) *Globalizatsiya: chelovecheskoe izmerenie* [Globalization: the human dimension]. Moscow: ROSSPEN.
11. Gegel, G.V.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mysl.
12. Marks, K. (2011) *K kritike politicheskoy ekonomii* [Towards a critique of political economy]. Moscow: LIBROKOM Book House.
13. Pabst, A. (2021) Tsivilizatsiya i liberalnaya demokratiya [Civilization and liberal democracy] *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 26–42. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.04

14. Gegel, G.V.F. (2024) *Vera i znanie. Raboty rannikh let* [Faith and knowledge. Works of the early years]. Moscow: Speculation.
15. Levi-Strauss, K. (1994) *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Moscow: Republic.
16. Laing, R.D. (2017) *Raskolotoe “Ya”: ekzistentsialnoe issledovanie “normalnosti” i bezumiya. Fenomenologiya perezhivaniya i Rayskaya ptichka* [The Fractured Self: An Existential Study of “Normal” and Madness. Phenomenology of experience and the Bird of Paradise.]. Moscow: IOI.
17. Berger, P. (1995) *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti: Traktat po sotsiol. znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Moscow Philosophical Foundation Publishing House.
18. Khuzina, E. M. (2020) *Filosofskaya antropologiya po zamyslu A. Gelena* [Philosophical anthropology as conceived by A. Gehlen] *Molodoy uchenyy – Young scientist*. 25 (315). pp. 494–496.
19. Bourdieu, P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning]. Saint Petersburg: Aletheia; Moscow: Institute of Experimental Sociology.
20. Andrianova, T.V. (2001) *Geopolitika i kultura: Analiticheskiy obzor* [Geopolitics and culture: analytical review]. Moscow: Direct media.
21. Furmanova, V.P. (1993) *Mezhkulturnaya kommunikatsiya i lingvokulturovedenie v teorii i praktike obucheniya inostrannym yazykam* [Intercultural communication and cultural linguistics in the theory and practice of teaching foreign languages]. Saransk: Publishing House of Mordovva University.

УДК 008:338.24

DOI: 10.24412/2070-075X-2026-2-18-28

Г.В. Иванов, А.А. Токарева

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КРЕАТИВНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА МОДЕЛЕЙ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

Предметом исследования являются креативные индустрии как динамическая экосистема, интегрирующая культуру, право и экономику. Проанализировав зарубежные и российскую модели креативных индустрий, авторы статьи представили интегративный подход к оценке эффективности креативной экосистемы. Предложенный подход позволяет преодолеть разрыв между культурологическим и экономическим анализом, выявить скрытые механизмы конвертации культурного капитала и может служить инструментом для сравнительных исследований и проектирования эффективной культурной политики.

Ключевые слова: креативные индустрии, интеллектуальная собственность, методология, экономика, творчество, культура, анализ, право.

Актуальность темы исследования. Креативные индустрии представляют собой уникальное пространство, в котором культура, творчество и экономика не просто сосуществуют, но находятся в состоянии постоянного взаимовлияния и синтеза. Это область, где культурный капитал трансформируется в экономический, а рыночные механизмы, в свою очередь, формируют новые культурные и творческие форматы. На данный момент значимость креативных индустрий подтверждается растущей капитализацией, что превращает их в реальный сектор экономики. По данным Росстата,